

Космос становится препятствием развитию человеческой гордыни. Сила стихии разрушает ложные ценности, замыслы, стремление к абсолютной власти.

Космос и человек — единое целое. Являясь частью человека, Космос неотделим от него. Идеальное воплощается в реальное.

Э.А. Тамаркина

МИФОЛОГЕМА *Солнце/Свет*
В ЯЗЫЧЕСТВЕ И ХРИСТИАНСТВЕ

В мифологии народов мира Солнце представляет наиболее ярко сияющее героическое начало (Греция, Индия, Египет, Африка, Австралия, Океания, Северная и Южная Америка). Солнце осмысляется как родной сын и наследник небесного бога, наследующее одну из основных качеств этого божества: «Оно видит всё и знает всё» [1, 479]. Культ Солнца был одним из основополагающих в системе верований древних славян (середина I тысячелетия н. э.). Светило почиталось как источник жизни, тепла и света. В древнерусском языческом пантеоне солнечную природу имели такие божества, как Хорс, Дажьбог и Сварог.

Славянское имя бога-солнца — Хорс можно поставить в один ряд со славянскими и греческими словами, обозначающими «круг», «окружность». Перевод с греческого — «круглый светильник», «хорос». В русском языке: «хоромы» — круговая застройка (древний смысл), «хоровод» — круговое движение, «хорошкуль» — круглый ритуальный пирог-курник [2, 433—434]. Имя Хорса сохранилось в ритуальной лексике вплоть до последней четверти XIX века. Дажьбог — бог света, солнца, бог — податель благ. Он мифический родоначальник русских князей и русского народа. В «Повести временных лет» и в «Ипатьевской летописи» за 1114 год он назван сыном Сварога — бога огня [3, 348—349].

В народном сознании солнечное божество было неразрывно связано с представлением о «свете». Традиционно — «свет» — это воплощение миропорядка, красоты, истинности, праведности. В русском фольклоре родная земля называется «святорусской» или «светлорусской» и изображается как залитое светом открытое, бескрайнее пространство («белый свет» или «вольный свет» как мир в целом) [3, 349].

В славянской мифологии, которая складывалась на протяжении очень длительного времени, можно выделить ряд моментов, отразивших несколько уровней народной идентификации языческих божеств, прежде всего, интересующего нас божества Солнца, рудименты которого сохранились в народных сказках. Обращаясь к собранию А.Н.Афанасьева «Народные русские сказки» [4], постараемся рассмотреть следующие моменты: 1) функцию солнечного божества, 2) его антропоморфизм и 3) символическое значение.

Сказки из собрания А.Н.Афанасьева, собранные в XIX веке, испытали на себе влияние позднего периода, персонажи их изменили свою функциональность, но даже став явлением искусства, художественным творчеством народа они донесли до нас отголоски давно ушедших эпох. Процесс забвения древних верований начался в далекие времена. «Средневековым церковникам в значительной мере удалась их задача — изгнать со страниц книжности все богомерзкие "басни" и "кощуны", как назывались тогда мифы; басня (отвечала греческому — миф) стала синонимом недостоверности, а "кощуна" — символом надругательства над святыней, кощунством» [2, 529].

Большую часть древних верований донесла до нас волшебная сказка и не случайно, так как термин «волшебство» содержит в себе языческий смысл, «волшебником» называли жреца, волхва, заклинателя. Все сказки из собрания А.Н.Афанасьева, в которых присутствует мифологема Солнца, можно расположить в приведенном выше порядке, который, не претендуя на хронологию, дает возможность рассмотреть интересующую нас архаическую мифологему сказки, если не с точки зрения исторического содержания, то хотя бы с точки зрения определенных качественных изменений.

В сказках первого типа Солнце предстает в своем древнейшем восприятии как могучее божество, наделенное колоссальной силой, небезопасной для человека. Так, в сказке «Мороз, Солнце и Ветер» (Аф. 1, № 91), в соперничестве в своей силе воздействия на человека с Морозом и Ветром, Солнце грозит испечь его: «Я цябе' ра'кару спяку!» (133). Поэтому неудивительно, что во многих славянских традициях Солнцем клялись и упоминали его в проклятиях [3, 362].

В сказке «Скорый гонец» (Аф. 2, № 259) также звучат отголоски верований в солнечное божество, которое является основной силой, подчиняющей себе весь мир. Бог воды — Морской царь может проявить свою власть только до его восхода. Плен героя Семена — «малого юноши» длится до тех пор, пока не взойдет Солнце. В первый раз Морской царь забирает его в морскую глубину «перед самым восходом красного Солнца», во второй раз — когда «только чуть-чуть рассветать стало», в третий раз — «вдруг солнце осияло своими лучами и уж Морской царь не смог больше взять его в полон» (313—314). «Солнце — признак Белого Света» («вещь бо есть солнце свету») [2, 433], в который возвращается герой.

В славянском фольклоре можно найти примеры того, что Солнце может иметь мать, жену, сестру, и оно похищает у людей себе жену. В сказке «Солнце, Месяц и Ворон Воронович» (Аф. 1, № 92) старик готов отдать замуж за Солнце старшую из трех своих дочерей, если оно его обогреет при сборе просыпанной крупы. Дочь по просьбе отца «оделась хорошенько, вышла на крылечко; Солнце и утащило ее» (134). Антропоморфность могучего божества в древности не вызывала сомнения. Это отразилось в том, что, когда старик приходит к зятю в гости, тот угощает его оладьями, испеченными женой на сковородке, поставленной на его голове: «Солнышко сказало жене, чтоб настряпала оладьев. Вот жена настряпала. Солнышко уселось среди полу, жена поставила на него сковородку — и оладьи сжарились. Накормили старика» (134).

Патриархальное общинное сознание древнего человека, как уже было отмечено, наделяло Солнечное божество членами семьи, кроме жены, прежде всего сестрой. В сказке «Ведьма и Солнцева сестра» (Аф. 1, № 93) сестра божества характеризуется сугубо материнскими качествами. Она радушно встречает героя Ивана-царевича, кормит, поит его и заботится, как о родном сыне. Солнцева сестра, как и ее брат, наделяется могучей волшебной силой. Повелительница стихий, она может запретить дуть ветрам. Данные ею Ивану-царевичу в дорогу предметы-обереги — щетка, гребенка и два «моложавых» яблочка, помогают ему преодолеть все препятствия.

Спасаясь от преследовавшей его ведьмы-сестры, герой с мольбой обращается к Солнцевой сестре: «Солнце! Солнце! Отвори оконце». (Солнцева сестра тождественна по своим функциям Солнцу, которое неслучайно в народных представлениях могло персонифицироваться как в мужском, так и в женском образе.) В итоге Иван-царевич покидает земной мир и попадает на небо в терема Солнцевой сестры, которая защитила его от всех земных зол и приняла у себя на небе. Данный момент, возможно, отражает позднее влияние идеологии формирующихся религиозных верований, связанных с монотеизмом.

В связи с этим усиление нравственного начала применительно к мифологеме Солнца можно увидеть в сюжете сказки «Косоручка» (Аф. 2, № 279), где новые, заявляющие о себе семейные нравственные нормы противопоставляются старым законам и представлениям, связанным с миром природы. Герой прощает оклеветанную женой сестру, когда это касается достатка дома, гибели любимого коня, но не может простить ей смерти младенца и жестоко наказывает: «братец ей по локоть ручки отрубил, сам ударил по лошади и уехал от нее» (366).

В соответствии со сказочным каноном зло наказывается, добро торжествует. Сестра обретает семью, у нее рождается чудесный ребенок — «...по локти [руки] в золоте, по бокам часто звезды, во лбу светил месяц, против сердца красно солнце». Необычность внешнего вида выступает как идентификация подлинных нравственных ценностей, заложенных в человеке, что подчеркивается солнечной символикой, расположенной против сердца человека.

То же можно отметить в варианте данной сказки (Аф. 2, № 280) — спокойное отношение героя к потере коня, сокола, но неприятие убийства сына, переложенное его женой на плечи сестры, и наказание за него даются в смягченном варианте: «...страшно рассердился, взял сестру и отвез в дремучий лес». Далее сюжет развивается в том же русле и с той же счастливой концовкой. Привлекает только внимание бóльшая отшлифованность клише в описании чудесного ребенка — «...по локоть руки в золоте, по колена ноги в серебре, во лбу месяц, супротив ретива сердца красное солнце» (369).

В другой сказке «По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре» (Аф. 2, № 283), являющейся версией предыдущего сюжета и ближе всего стоящей к сказке А.С.Пушкина «О царе Салтане», солнечный диск расположен во лбу трех чудесно спасшихся братьев. Троичность выступает как прием усиления зла, а соответственно и добра, но клишированная формула, выделяющая персонаж из окружения, сохраняет свою основу — «солнце во лбу, месяц на затылке, звезды по бокам». Победе добра над злом в сказке способствует не менее чудесный помощник — ребенок-«подкидышек», с помощью которого благополучно развивается и завершается сюжет сказки.

Можно указать еще на один вариант (Аф. 2, № 285) предыдущей сказки, в которой закон троичности еще более усилен: одна из дочерей короля Додона готова родить Ивану-царевичу «в трех брюхах семь молодцев», обладающих чудесными свойствами. Движением сюжета сказка обязана активности младшего сына, который спасает мать и помогает воссоединиться большой семье, утверждая патриархальные основы жизни.

С переходом к монотеизму представление, связанное с Солнечным божеством, переносится на Бога-творца, Бога-отца и на его сына Иисуса Христа. Как и в язычестве, в мифологеме *солнце/свет* на новом этапе ее функционирования можно выделить несколько ипостасей. В христианском Священном писании — Библии [5], начиная с Ветхого Завета, с его первой книги «Бытия», можно привести значительное количество примеров (выбранных нами по Указателю «Симфония» [6]), где Солнце проявляет себя как могучее реальное светило, от которого зависит земная жизнь и все происходящие на земле обрядовые действия. Солнце присутствует при заключении Господом завета с Авраамом (Быт. 15: 17—18), при восходе солнца происходит собирание израильтянами манны небесной (Исход. 16:21), при заходе солнца совершается поедание жертвенного животного (Левит. 22:7).

Предупреждение о поклонении солнцу, луне и звездам как божествам зафиксировано во «Второзаконии» (4:19), бытовые же законы учитывают солнце при измерении времени — так, предписывается отдавать заработанные деньги работникам до захода солнца (24:15). Солнечное светило всегда в центре внимания человека. В «Книге Иисуса Навина» Иисус воззвал к Господу об остановке солнца, и оно стояло, пока он не закончил победное поражение врагов (10: 12—13); в «Книге Иова» Иов призывает на себя проклятие, если он согрешил идолопоклонством, «смотря на солнце, как оно сияет...» (31:26).

В «Псалтири» о солнце говорится как о светиле, к которому приравнивается степень праведности царя Соломона: «будет имя его вовек, доколе пребывает солнце, будет передаваться имя его» (71:17). С солнцем сопоставляется царствование царя Давида — «престол его, как солнце» (88:37). В «Псалтири» проявляется самая высокая ступень осмысления светила: солнце — Господь, высшая сила: «Господь Бог есть солнце и щит» (83:12). «Песнь восхождения» продолжает ту же линию — помощь и защита исходят от Господа: «Днем солнце не поразит тебя, ни луна ночью» (120:6). В «Екклесиасте» — книге размышлений с солнцем связана любовь к белому свету: «сладок свет и приятно для глаз видеть солнце» (11:7).

И еще одна ипостась солнца отчетливо проступает в «Песни песней», где оно приобретает символический смысл: с солнцем сравнивается Суламита, смуглая девушка из виноградника — «светлая, как солнце» (6:10). Но самый глубинный, реальный смысл символа раскрывается в «Книге Исаии» — не Солнце и Луна, а Господь Бог будет для Сиона «вечным светом» — «не зайдет уже солнце твое <...> Господь будет для тебя вечным светом...» (60: 19—20). В последней книге «Ветхого завета» пророка

Малахии звучит та же мысль — в день суда Господня для благоговеющих «взойдет Солнце правды и исцеление в лучах Его...» (4:2).

Функции мифологемы «солнце/свет» повторились в «Новом Завете». Уже «византийская и древнерусская гимнография уподобляла Христа «праведному солнцу», а христианство — исходящему от него свету. Иисуса именовали также «незаходимым», «истинным», «разумным», «мысленным солнцем», а иногда «Богом-Солнцем» [3, 361].

В Новом Завете, в Евангелиях и «Деяниях апостолов», также представлены основные функциональные ипостаси Солнца. Это и реальное светило, под которым происходят описываемые события, например, в «Притче о сеятеле» проросшее зерно, «когда взошло солнце, увяло и, как не имело корня, засохло» (Мф. 13:6); в повествовании об исцелениях Иисуса Христа говорится, что «когда заходило солнце, приносили к Нему всех больных» (Мар. 1:32).

Самая высокая функциональная ступень, когда с солнцем сопоставляется Иисус Христос — «...просияло лице Его, как солнце» (Мф. 17:2), «лице Его — как солнце, сияющее в силе своей» (Откр. 1:16), у сильного ангела «лице Его как солнце» (Откр. 10:1). И наконец, когда мифологема имеет символический смысл: «праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их» (Мф. 13:43); в пророчестве апостола Петра — «солнце превратится в тьму» (Деян. 2:20); «И явилось на небе великое знамение — Жена, облеченная в солнце» (Откр. 12:1).

Воплощением нравственной основы и добродетелей в христианстве наряду с солнцем является «свет», с его творческой силой и сиянием. И на высшем уровне «свет традиционно приравнивается к Духу» [1, 455]. Светоносной, солнечной природой по народным и христианским представлениям обладают Бог-Отец и Иисус Христос. В библейском учении повествуется о божественном происхождении света и об отделении его от тьмы как первом божественном деянии (Быт. 2—4). В Библии часто упоминается свет, который озаряет мир и пути человеческие (Иов. 3:20, 23, 22:28, 25:3, 28:11); это может быть свет лица Господа (Пс. 4:7), Господь — свет верующего в него — «Господь — свет мой и спасение мое» (Пс. 26:1), свет Духа святого — «свет сияет на праведника» (Пс. 96:11). Свет как синоним ума — «заповедь есть светильник, и наставление — свет» (Прит. 6:23), о Данииле — «были в нем свет, разум и мудрость» (Дан. 5:11).

В Новом Завете Иисус Христос предстает как Бого-человек. Он Сам о себе сказал: «Я свет мира, кто последует за мной, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (Иоан. 8:12), — а также: «Я есть путь и истина, и жизнь» (Иоан. 14:6). «Под "светом и истиною" в высшем смыс-

ле в Ветхом Завете (Пс. 35:10) толковники считают, что должно понимать Христа» [7, 141]. В «Послании к колоссянам» святого апостола Павла это подтверждается: «Если будем ходить в этом свете, то станем сынами света; темное зло потеряет над нами свою власть» (1:13).

В Нагорной проповеди Иисус Христос говорит со своими учениками символическим языком: «Вы — свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы» (Мат. 5:14). Он направляет их на служение людям: «...да светит свет ваш перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела» (Мат. 5:16). Свет, исходящий от Иисуса Христа, делал сопоставимым Его с Богом-солнцем. Взойдя с учениками на гору, он «преобразился перед ними: и просияло лице Его как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет» (Мф. 17:2). Белизна его как проявление нравственности, творческой силы и «символ единства всего со всем» [1, 455].

В итоге можно сказать, что мифологема *солнце/свет* в своей эволюции прошла сложный путь развития. Как центр мироздания для первобытных людей и эпохи доклассового общества она в реликтовой форме сохранилась в фольклоре, включившись в его обрядовую и необрядовую сферы, а с формированием и становлением монотеизма становится основой его идеологического фундамента в одной из мировых религий — христианстве, сохранив функционально свои базисные черты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Керлот Х.Э. Словарь символов. М.: REFL-book, 1994.
2. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981.
3. Славянская мифология: Энцикл. словарь ин-та славяноведения и балканистики РАН. М.: ЭЛЛИС ЛАК, 1995.
4. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. М., 1958. Далее отсылы даны в круглых скобках с указанием на том, номер сюжета или страницу.
5. Библия. Все отсылы даны с общепринятыми сокращениями и указаниями.
6. Симфония на Ветхий и Новый Завет. Ук. 1928. Переиздание. Библейская миссия. СЕО. Росс.-Герм.-Америка. С. 1134.
7. Словарь переносных, образных и символических употреблений слов в «Псалтири». Н.Новгород: Изд-во братства св. Ал-дра Невского, 2004.